
18+
Наташа WASHA
История Вероники Вериной
Знакомьтесь, меня зовут ВероНика Верина,
Или Ангелы на Земле не Живут

Наташа Washa

История Вероники Вериной. Знакомьтесь, меня зовут ВероНика Верина, Или Ангелы на Земле не Живут

«Издательские решения»

Washa H.

История Вероники Вериной. Знакомьтесь, меня зовут ВероНика Верина, Или Ангелы на Земле не Живут / H. Washa — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981988-8

Реальность, в которой живут люди, иногда оказывается слишком скучной… И тогда многие из Нас начинают свой поиск. Девушка, которая живёт обычной жизнью, Вероника Верина, однажды задаёт себе вопрос: «Кто я?» Ведь ответ на этот вопрос поможет ей разобраться с тем, что происходит в её жизни. Но готова ли она к Такому ответу? Который может открыть совсем Иные Двери, о существовании которых вы даже не предполагали. Миры, в которых вы даже не думали очутиться. Двери, за которыми каждый может…

ISBN 978-5-44-981988-8

© Washa H.
© Издательские решения

Содержание

К книге 7
Часть 1. 8
Глава 1. 10
Глава 2. 11
Глава 3. 15
Глава 4. 16
Глава 5. 17
Глава 6. 19
Глава 7. 21
Глава 8. 23
Глава 9. 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

История Вероники Вериной Знакомьтесь, меня зовут ВероНика Верина, Или Ангелы на Земле не Живут Наташа Washa

Книга посвящается людям, изменившим мою жизнь.

А также моим родным и близким, людям, без которых меня бы просто не существовало.

Екатерина Федорова *Корректор*
Мария Бангерт *Дизайнер обложки*
© Наташа Washa, 2021
© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2021
ISBN 978-5-4498-1988-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Однажды в одной из соцсетей мне попалась фраза, которая пришлась мне по душе и которая очень четко, на мой взгляд, отражает порядок и суть вещей: «Не мы хороши, а хороши те, кто нас любит».

Я пишу эту книгу, чтобы сказать тебе:
«Меня невозможно потерять»…
Никогда ничего не бойся.
И чем больнее тебе, тем ближе ты к намеченной цели.
Так иди за Верой своей,
И как ты идешь за ней,
Так дано тебе будет.
И чем больше людей встретятся на твоем пути,
которые скажут «не иди туда»,
Не верь Им ни на грамм «свинца» в груди своей.
Столько Змеев пришло на Землю за тобой,
Сколько пар человеческих,
дающих новую Жизнь.
Верь Чистому Голосу Внутри себя,
Искушайся Им,
А не чужими словами.
Иди лишь за Верой Своей.
И идти тебе за Ней путями темными,
путями сложными.
Там, где лишь маленький огонек её мелькает,
Исчезая вдали, за новым крутым поворотом,
Живет твоя мечта.
Не верь тем, кто скажет тебе «не мечтай»,
Их самих давно уже нет…

Так «каждый получает по Вере своей».

К книге

Каждому из нас когда-нибудь доводилось упасть с Небес на Землю. А если кому-то не доводилось, то поверьте, у вас все еще впереди. Иногда некоторым людям кажется, что они сами управляют своей собственной жизнью, но это так же ошибочно, как если бы они утверждали, что планета Земля существует сама по себе. И никакое другое небесное светило не имеет влияния не нее. То есть Луна – спутник Земли – как бы не считается. А Солнце? Я представляю Землю, которая говорит: «Что мне Солнце? Я сама себе хозяйка! Все процессы, которые происходят на мне, во мне и вокруг меня происходят благодаря мне одной! Я хозяйка Вселенной! Даже Солнце у меня на побегушках! Не то что какая-то там Луна. Для тех, кто мыслит подобным образом, предлагаю хотя бы для начала почитать учебник по астрономии…

Даже чтобы управлять кем-то, необходимо зависеть от того, кем ты управляешь.

В общем, всегда найдется кто-то, кто может опустить вас с Небес на Землю. И так же высоко поднять…

Только истинная любовь – ни тысячи лайков в соцсети, ни новый наряд, ни крутой внедорожник не поднимут вас так высоко, как поднимет чья-то настоящая, искренняя любовь.

Ее невозможно купить, невозможно подчинить себе, ей нельзя управлять. Как не может Земля управлять Луной и Солнцем. Можно придумать искусственный интеллект, солнечные батареи, искусственные спутники. Взять мужчину или женщину на час, на день, на два. Но ничто не заменит вам настоящее: реальное солнце, симпатию, чувство. А знаете почему? Потому что вы понимаете, настоящее – оно совсем другое. На уровне инстинкта. И если вы еще не робот, то вы – живая материя, часть Вселенной, естественно отторгающая фальшь и жаждущая своего естественного состояния – часть природы. А природу нельзя обмануть; она всегда сама отличит искусственное от настоящего.

Эта книга не о политике. Не об умных и очень умных вещах. Не о богатых и бедных.

Эта книга о нас настоящих. О любви к жизни, к людям.

Об отношениях и чувствах между двумя людьми.

.

О тех, кем мы хотели бы разрешить себе быть, но почему-то очень часто позволяем другим решать за нас, кто мы. Мы позволяем другим выбирать, во что нам верить. Какую одежду носить, какую еду любить. Какую профессию поставить во главе нашего пути.

Эта книга совсем не призыв к революциям, войнам, смене пола, вкусов и вероисповеданий. Нет, как раз наоборот.

Эта книга о вере в себя, вере друг в друга. Вере в то, что Настоящая Любовь все еще существует на планете Земля и далеко за ее пределами…

Желаю Вам приятного прочтения. И до встречи! Улыбаюсь.

Часть 1.
Знакомьтесь, меня зовут ВероНика Верина

Предисловие от автора

Кому-то эта история покажется нереальной, кому-то скучной, кому-то трогательной, кому-то забавной или смешной, а кому-то знакомой… Но это история Вероники Вериной.

Книга создана на основе реальной истории. Поэтому многие события в ней реальны, а чувства и эмоции главных героев самые что ни на есть прожитые. Почти все имена вымышленные, дабы не смущать некоторых главных героев. Отсюда любые совпадения с личными именами прошу считать делом невозможным.

Фантастика остается за гранью фантастики, так как многое мне пришлось придумать самой. Чтобы создать иллюзию мира, который живет и существует только на страницах этой книги.

Предисловие от Вероники Вериной

По сути, вся наша жизнь – это путь, цикл. Рождение, рост, поиск спутника жизни. Рождение потомства, уход за потомством, старость, смерть. Но нам, людям, этого мало. Мы ищем иную суть. Мы придумываем разные истории, миры. Нам невыносимо думать и смириться с тем, что мы, как кузнечики, рождаемся, только чтобы продолжить свой вид, а затем просто умереть. Банально. И от этого нетерпения и несмирения происходит весь Мир материальных вещей, который нас с вами окружает. Спорт, музыка, театр, живопись, кинематограф, литература и т. д. Каждый ищет свой смысл в своей собственной жизни. Мы придумываем Миры, не видимые чужому глазу, но воплощаем их в реальную жизнь через фильмы, книги, футбольные матчи, пластинки, музыкальные концерты и т. д. Вовлекая в эти миры огромные массы таких разных и совсем не знакомых нам людей. Мы настолько вжились в эти игры, что они уже многие десятилетия назад перестали быть просто забавой. Они стали полноценным источником реального Мира. Материальным источником для существования сотен тысяч людей. Возьмем, к примеру, процесс съемки кинофильма: сколько людей задействовано в этот процесс? Сценаристы, продюсеры, актеры, операторы, звукорежиссеры, каскадеры, осветители и т. д., массовка, наконец, стали видом дохода, а не просто удовольствия. Участие в процессе сотворения Мира Мечты! Воплощение его в явь. Ах! Миры. Миры мечты! Как мелодия, убаюкивает меня сочетание этих двух слов. Колышет на волнах воображение. Сказка, явь, быль – чья-то мечта, ставшая реальностью. Приятно думать, как именно запускается этот процесс во Вселенной. Чье-то воображение витает на Земле, потом отрывается от нее. И вот оно уже парит среди звезд. Высоко, в темноте, в космосе…

Невидимые нити соединяют сотни незнакомых друг для друга людей. Наши Миры являются непосредственной частью нас. И сегодня они называются смыслом жизни.

Многие пары уже не заводят детей. Полагая, что именно то, чем они занимаются: их работа, хобби, заработок – и есть их смысл жизни. И нам ли с вами судить кого-то? Да и кто мы такие, чтобы делать это? Их Мир, их фантазии никак не граничат с нашим или чьим-то другим представлением о смысле Жизни. И многим из нас лучше бы поскорее понять, что вы – это вы, а кто-то другой – это кто-то другой. А понять это возможно, только лишь оказавшись в мире, который принадлежит именно вам. Безгранично, безраздельно, полностью. Даже если вокруг вас сотни, тысячи людей каждый день вертятся по кругу, вовлекая в свой Мир, в свою Игру. Даже среди них вы должны помнить, кто вы.

Глава 1.
Ничего странного?

Когда в мою ты сказку попадешь,
Тебе откроются чудесные видения.
Узнаешь ты всей правды ложь,
Когда проснёшься в день рождения.

* * *

Сначала со мной все случилось самым обычным образом. Я родилась обычным человеком, склонным в дальнейшем к инстинкту размножения с последующим воспроизведением потомства. Я была простым советским пятилетним ребенком. Играла во дворе среди других детей. У меня были мама, папа, младшая сестра, дядя, бабушка и дедушка и еще куча родственников, которые жили-поживали на просторах нашей необъятной Родины, Советского Союза. Моя семья, как и многие другие в то время, жила в одной трехкомнатной «хрущевке» в типичном пятиэтажном доме.

Мой Мир появился внезапно, когда я даже не подозревала о нем. Он тронул меня невидимой рукой и тихо позвал: «Вероника, Вероника… Пойдем со мной, поиграй со мной…». И я вошла в него. Сначала неуверенно, робко, на ощупь – как умела.

Мы с вами Знакомы? Еще нет? Тогда знакомьтесь, меня зовут Вероника Верина.

Глава 2.
Взрослый мир, взрослые игры, взрослые понятия

Маленькая пятилетняя девочка с каштановыми волосами, завязанными в тугие худые косички, в джинсовой юбке и майке с Микки Маусом – мама привезла модную тогда одежду из Польши, во времена паломничества к «коммерции» и первым продажам, откуда взамен проданному товару привозили много чего восхитительного и интересного! Ах, сколько было для всех радости! Сколько нового: коричневая мохнатая картошка – киви, сегодня знает каждый ребенок, а бананы. А Pepsi! Я как сейчас помню эту двухлитровую высокую бутылку на четырех «ножках».

Однажды мы с папой отправились в паломничество вдвоем, на высоком длинном автобусе. Помню ночь на таможне, высокий вокзал с большими темными стеклянными окнами. Наборы теней в футлярах-сердечках, капроновые гольфы красного и голубого цветов. Жвачки с «мультиками», цветной мармелад «мишки», джинсовую куртку и много-много чего еще… Что, уверена, хранят не только мои воспоминания.

Я стояла у дома. У меня украли жвачку и несколько фантиков. Красивые цветные «мультики». Во времена дефицита и эпохи начала конца СССР они были настоящим сокровищем для таких детей, как я. Детей, чьи родители раньше никогда не имели никакого отношения к коммерции и чиновничьему аппарату. Наши родители отправлялись в другие, «занавешенные» страны за поиском чего-то нового, что потом стало одним из главных трендов на сегодня – «рынком товаров и услуг».

Я знала, кто похитил мои сокровища. Но не хотела думать об этом. Мой детский мир тогда наравне с Советским Союзом грозил навсегда исчезнуть и перейти в другую эпоху. Эпоху с другими правилами и законами… Я не могла взять в толк, что было хуже: то, что украли дорогие моему сердцу предметы, только что привезенные мамой из путешествия? Или знание того, кто именно это сделал? Две девочки, жившие в соседнем подъезде, всегда гадко издевались надо мной. Мне кажется, что именно тогда я впервые поняла, что такое зависть и злоба. Но так как сердце мое было все еще открыто для любви и дружбы, от этого понимания было еще больнее…

Вдруг передо мной выросла фигура – чья-то бабушка. Как потом выяснилось, она была, в общем-то, «ничья». По крайней мере, я ни разу не видела, чтобы к ней кто-то приезжал.

– Здравствуйте, меня зовут Вероника Верина, – четко отрапортовала я.

– Здравствуй, Вероника. Я знаю, как тебя зовут, – сказала бабушка с фиолетовым цветом волос. И представилась сама, – Меня зовут бабушка Федя.

– Здравствуйте, бабушка Федя, – сказала я. – Вы не хотели бы прийти сегодня на мое представление?

– Представление? А какое оно будет? Твое представление?

Я протянула ей красный бумажный талончик – вырезанную из цветной бумаги широкую полоску.

– Мой концерт с разной программой. Будут песни петь и реклама будет.

– А, ну, если реклама будет, то, конечно, приду, – с улыбкой ответила бабушка Федя. – А во сколько состоится этот замечательный концерт?

– В 3:25 дня, – ответила я. – Возле лавочек.

Я имела в виду место рядом с больших размеров ивой, которая по моему представлению тогда занимала полдвора. Слева от нее, у забора детского сада, в который я тогда ходила, стояли три лавочки – буквой П. Место заседания бабушек из нашей пятиэтажки. Справа от них, под той же ивой, располагалась еще одна лавочка, где обычно сидели родители «наших» детей.

Каждый наш дом, пятиэтажка, был отдельным полноценным миром, обособленным от других типовых пятиэтажек: со своим двором, бабушками, родителями-взрослыми и детьми – где все общались между собой. Двери днем почти ни у кого не закрывались на ключ. И дети, как атомы или молекулы, двигались между подъездами, этажами и квартирами. Так что становилось непонятно, кто у кого дома, а кто просто зашел на обед или в гости.

– Хорошо, я обязательно приду, – сказала бабушка Федя.

– Приглашены все бабушки, – уверенно добавила я.

– А кем будешь ты на концерте? – спросила Федя и улыбнулась.

Я сначала задумалась, наморщила лоб. И только потом ответила:

– Главной, я буду главной. Буду вести концерт и руководить певцами. Я его придумала, концерт. А еще я буду выступать на рекламе.

– А-а-а-а-а-а, – снова расплылось в широкой улыбке веселое лицо бабушки Феди, – тогда иди, поспеши, я не могу задерживать такого ценного сотрудника. Руководителя концерта.

– И угощение будет! И печенье, и фанта! А еще розыгрыш вафельного батончика «Ку-ку-руку»! – уже почти на бегу кричала я. Мне многое надо было успеть: например, проверить готовность Жени, моей подруги, девочки, которая была старше меня на два года. Она должна была выступать с песней «Крутится, вертится шар голубой, крутится, вертится над головой».

Текст нужно было выучить наизусть, а мне предстояло это проверить. Утром я отдала ей бумажку, где аккуратным почерком моей бабушки были написаны слова песни. Времени оставалось мало.

И вот наступил долгожданный момент. Все зрители заняли свои места.

Время было начало четвертого. Солнце по-летнему висело над нашим двором, было жарко. В центре площадки для игр, рядом с местом проведения концерта, стоял длинный прямоугольный стол с двумя лавочками по бокам. За ним всегда сидели местные парни-плохиши. А с ними рядом сидела такая же девочка-плохиш. Она была одной из тех, что украли у меня фантики. Увидев меня, девочка стала подло ухмыляться. Я подошла к ним и спросила, знают ли они про концерт, рекламную игру и батончик «Ку-ку-руку». Один парень громко засмеялся и сказал сидевшей рядом с ним девочке: «Это что еще за Мэрилин Монро?». Я тогда не знала, кто такая Мэрилин Монро, но в его интерпретации это имя прозвучало оскорбительно. Он издевательски улыбался, глядя на меня. А девочка сказала: «Уродина». Тут я в первый раз в жизни задумалась над смыслом этого слова. Уродина. Мне оно почему-то совсем не понравилось, и сразу стало как-то обидно. А потом я в одночасье поняла, что оно значит. Кожей поняла, лицом, своими худыми тугими косичками и даже джинсовой юбкой с белыми воланами поняла. Я стояла, опустив глаза, мяла в маленьких детских пальцах постилку в обертке «Wrigley's». И неожиданно сзади себя услышала голос. Я обернулась и увидела бабушку с бледно-фиолетовыми волосами, конечно, не такими яркими и фиолетовыми, как у бабушки Феди. Высокий тонкий голос как острое лезвие ножа полоснул меня: «Да уж, не то что моя внучка, красавица», – неподалеку от нас стояла девочка маленького роста с очень длинными каштановыми волосами и прической «Мальвина». Девочка говорила со своей мамой. И обернувшись, посмотрела прямо на меня, как будто почувствовав мой взгляд на себе. Её звали Анфиса, я не очень дружила с ней, можно сказать, совсем не дружила. Она была просто соседской девочкой. И наши дороги с ней не пересекались. У нее было две бабушки, одна жила в квартире напротив, где, собственно, и жила сама Анфиса. А другая, та самая, с бледно-фиолетовыми волосами, оккупировала нас сверху. Я продолжала смотреть на Анфису, а она на меня. Ничего особенного я, глядя на нее, увидеть почему-то не смогла, кроме длинных густых каштановых волос. Она отвернулась и продолжила разговор с матерью. А я подняла глаза, полные обиды, на бабушку с бледно-фиолетовыми волосами и голосом, звучавшим как лезвие ножа. Он снова полоснул меня: «Уродина». Фыркнула она и, не глядя на меня, пошла в сторону нашего подъ-

езда, а после чего скрылась в нем. Потом на самом концерте её не было. Я продолжала стоять с помятой «Wrigley's» в руке, не поднимая глаз. Несмотря на обиду, слез не было.

В целом, весь концерт прошел удачно. Только с рекламным роликом «Ку-ку-руку» произошла некоторая заминка. Мама должна была купить вафельный батончик после работы и поднести его в нужное время. Но, зачитав рекламный текст, который знала с точностью, наизусть, я не обнаружила мамы с батончиком рядом с собой. Когда уже, казалось, должна была наступить неловкая пауза, мне предстояло раскрыть упаковку и достать оттуда наклейку. Я снова обернулась и увидела маму. Она быстро шла от конца дома по направлению ко мне. И наконец батончик оказался у меня в руке, мама куда-то исчезла, а я уже срывала полоску обертки и доставала наклейку, демонстрируя её зрителям. Где-то сбоку я услышала голос того самого подростка: «Тот, кто ищет „Ку-ку-руку", опускает в ж… руку!». Никто не обратил на него ни малейшего внимания, и даже я. Хотя лицо его, гадкое, с наглой улыбкой, я запомнила навсегда. Приз, тот самый вафельный батончик, достался кому-то из детей. Концерт был окончен. Все расходились.

Бабушки, которым не хватило места, брали в руки свои табуреточки-треножки и волокли их домой. Все пребывали в веселом расположении духа. Я стояла в стороне, и мои наблюдения мне подсказывали, что развлечение удалось. Удовлетворение – я почувствовала его тогда. Хотя, конечно, понятия об этом слове в свои пять лет не имела.

Бабушка Федя заняла место на лавочке, где обычно сидели родители. Рядом с ней сидели еще две какие-то бабушки. Я подошла к ним. Федя похлопала рукой по скамейке рядом с собой, приглашая меня сесть. Я села. Она протянула мне руку и сказала по-взрослому:

– Молодец. Давай дружить.

– Давай, – ответила я ей так же, по-взрослому. Так началась наша с ней дружба. Я помню её фиолетовые яркие волосы. Немного позже я перестала видеть её среди других бабушек. И тогда спросила у своей. – Бабушка, а где бабушка Федя, ты не знаешь?

Она ответила мне, глядя куда-то в сторону, как будто была занята каким-то очень важным делом:

– Она умерла.

– Умерла? – переспросила я, хотя понятия не имела, что значит это слово. Но потом как-то сразу и снова почувствовала значение. Я больше о ней никогда не спрашивала. Хотя до сих пор иногда вспоминаю её фиолетовые волосы и веселое улыбающееся лицо.

У второго подъезда я увидала свою бабушку, она о чем-то говорила с соседкой. И я подошла к ним.

– Бабушка, – сказала я.

– Что, внученька? – бабушка внимательно посмотрела на меня и наклонилась в мою сторону.

– Бабушка, а знаешь что? Бабушка Анфисы сказала, что я уродина. А Анфиса, она, в общем, красавица, а еще у нее длинные волосы.

– А? – сказала бабушка. И я увидела легкое удивление на ее лице, а еще странную улыбку. Значение которой я тогда не поняла.

Я пожала плечами и, опустив голову, пошла домой.

Двигаясь в сторону нашего подъезда, я уже не думала ни об Анфисе, ни о ее бабушке. Я шла с чувством выполненного долга: концерт прошел, концерт закончен, все радовались, все улыбались – все.

В тот день в моем детском Мире, в моем сознании впервые появились такие взрослые и большие понятия, как дружба, зависть и злоба – еще такая маленькая, но уже большая человеческая боль. Но главное чувство – было чувство удовлетворения и выполненного долга от того, что ты сделал сам.

И немного позже я узнала, что такое смерть. Тогда я видела, что человек просто исчезает. Его больше нет.

* * *

* * *

Глава 3.
Человеческие окна

2001 год

Город. Вечерний город. Шум машин и прохладный воздух. Запах осени, листьев, лежащих на мокром асфальте. Остановка, одинокий троллейбус, идущий на конечный пункт своего назначения по привычному маршруту. Весь город в огнях. Он кружит вокруг меня, как в водоворот затягивает все глубже и глубже меня его собственная жизнь. Холодно. Очень холодно. Тонкая искусственная дубленка совсем не спасает меня от ноябрьского холодного ветра. Дом напротив, окна и огни.

Начиная с того самого дня я навсегда проникла в эти огни. В какой-то момент я уже больше не представляла себя без них! Как будто отдельно от них меня теперь просто не существовало.

В тот самый день я даже не догадывалась, как много дней, лет я буду проходить мимо и смотреть на эти круглые желтые комочки счастья, представляя чьи-то истории. Истории, которые кроются за этими самыми окнами.

Вон там, в окне напротив, на втором этаже, чья-та мама, наверняка, варит борщ. А вон там, на третьем этаже, за той серой перегородкой чей-то дедушка сидит на диване в очках и читает газету. Он исподтишка наблюдает, как его внук барахтается на ковре у дивана среди кубиков, машинок и плюшевых мишек. Так мне представлялось то, что обязательно должно было происходить за теми самыми окнами.

А я? Где же была я в такие моменты? Меня как будто просто не было. Не было, и все. Очень странное чувство, как будто ты вне мира, который тебя окружает. Ты делаешь что-то, чтобы тебя заметили, машешь руками, глядя на эти самые окна. Озираешься на прохожих, ищешь кого-то глазами. Кого-то, кого на самом деле просто нет. Встречаешься с безразличными взглядами. Но все напрасно – мир как будто не хочет говорить с тобой.

Мне было 28 лет. Когда в один из таких моментов я стояла на дождливом осеннем проспекте, мимо которого проходила аллея с каштанами. В легком полумраке у дома, подсвеченного гирляндой нарядных ночных огней, и начало происходить что-то странное. Что-то, что перевернуло всю мою жизнь. Я подняла голову вверх и посмотрела на желтый фонарь – грациозный солдат на службе городского освещения. Вдруг яркая вспышка ослепила меня, и я помню только… Свет.

Глава 4.
Фома

В маленькой запыленной комнате за деревянным пыльным столом, на который падали лучи серого дневного света, сидел мужчина средних лет. Небольшая лысина и ряд накрученных по бокам, будто на бигуди, уже успевших стать седыми волос. Длинный нос с горбинкой. Узкие сухие губы. Такой же острый, как и нос, подбородок. Жилистые, но совсем не тонкие руки. Старый синий камзол. Казалось бы, добытый и надетый еще во времена лихих сражений и побед Наполеона Бонапарта, плотно облегал и достаточно шел его фигуре. Больше нечего было бы добавить к описанию его внешности, если бы не очень широкие, но седые и густые брови. Которые делали его похожим на филина. Хм, интересно… А что это? На короткой белой, торчащей сзади из-под камзола веревочке? Мужчина встал и подошел к окну. Оказавшись спиной к входной двери, он задумчиво посмотрел в окно куда-то вдаль. Неожиданно раздавшийся стук в дверь заставил его вздрогнуть. Он поспешил спрятать светящийся круг за пояс брюк, но у него ничего не вышло. Тогда он сам встал лицом к двери так, чтобы вошедший не заметил предмет, висевший над его левой штаниной.

– Фома, тебя все обыскались! Ну разве так можно! Сейчас слушается дело о нашей Веронике, как ты мог не прийти! Ты же…

Фома покосился на красную лампочку, висевшую над дверью. [1]

– Я не пойду, – грубо и довольно сухо ответил наш герой, которого, как выяснилось теперь, звали Фома.

– Вероники всякие там не по моей части, – и он пристально посмотрел на собеседника, скрестив руки на груди. Так он всем своим видом показывал, что разговор окончен.

– Помилуй нас, Всевышний Боже Наш! – сказал вошедший. Примечательным было то, что над его головой можно было видеть такой же желтый светящийся предмет, как тот, что мы видели ранее у Фомы, болтающимся сзади на веревке.

Тут снова раздался стук в дверь, и без всяких приглашений вошли двое в белоснежных одеждах. На вид они были похожи на санитаров. Двое молча встали в дверях, перегородив тем самым проем.

– Ну хорошо, хорошо! – повысил голос Фома. Он злился. Но ему ничего не оставалось делать, как только тихо повиноваться вошедшим.

---

[1] Источник Википедия: (ивр. הדותי אמות, Тома Йехуда́, греч. Θωμάς, лат.), иначе называемый , – один из двенадцати апостолов (учеников) Иисуса Христа. **Прим. авт. Фома́** *Thomas Близнец*Известный фразеологизм (или), который употребляют для именования человека, которого сложно в чём-либо убедить, связан с одним из эпизодов Евангелия от Иоанна: апостол Фома не смог поверить в Воскресение Христово до тех пор, пока своими глазами не увидел Христа воскресшим. *«Фома неверующий» «Фома неверный»*

Глава 5.
Суд над пропавшей ВероНикой Вериной

Я не буду вдаваться в долгие описания Зала Суда. Так как он ничем внешне не отличался от других судебных залов: ни тем, что у него были скамьи и стулья. А также судебный исполнитель, господа присяжные, обвинение и защита. Хотя некоторые отличия все же имелись…

– Итак, посмотрим, что мы имеем, – говорил судья. Это была середина речи, так как Фома и Аквиний уже опоздали. Судья продолжал. – Вероника Верина, Ангел Небесный 4-й категории, работала Секретарем в Администрации «Рождение Младенцев и их одухотворение». Все верно? – и судья из-под очков окинул взглядом присутствующих. – Все верно, – сам себе ответил судья и продолжал. – Начало работы в Поднебесной 412 г. от Рождества Христова. До этого – Ангел Небесный 2-й категории, работала ангелом-хранителем в Администрации «Спасатели», подразделение «Войны и Военные походы». Все верно? – и он внимательно посмотрел на секретаршу Верочку. Она испуганно встряхнула светлыми кудряшками, от чего задрожали голубоватые стекла ее очков, и она залилась краской.

– С первой должности была уволена, кхм, кхм, – Фома нервно елозил на стуле, Аквиний дернул его за рукав. – В чем дело? Что-то не так, господа? – и судья снова внимательно посмотрел, но уже на Фому с Аквинием. Те не шелохнулись. – Нет, уволилась, – голос судьи внезапно задрожал, – господа присяжные ангелы, уволилась, из-за, прошу прощения, любви к человеку, – выпалил он на одном дыхании.

– А-а-а-а-а-ах, ах-ах-ах, – пронеслось по всему залу. Все вокруг переглядывались и делали вид, что никогда не слышали об этом.

– Попрошу тишины, господа, – сказал господин Судья, постучав молотком по столу, и, немного успокоившись, продолжил. – Влюбилась в солдата. За что была почему-то повышена в должности? – и он серьезно окинул взглядом зал Суда. – На 2 ранга, – он сделал паузу. Многозначительно кивая. – В высшие Инстанции докладывали, виновных не нашли.

Фома ковырял пол носком туфли.

– И была отправлена! В Администрацию «Рождение младенцев и их одухотворение»! Проработала на этой должности энное количество лет, выясняется, что все время имела тайные помыслы и пожелания. Не присущие! И не позволительные ангелам ПодНебесной, – и его голос сорвался.

– Ах-ах-ах-ах-ах-ах, – снова понеслось со всех сторон зала Суда, отчего у господина Судьи Аквинского некоторые из волосков, закрученных в мелкие кудряшки, встали дыбом.

– Господа, прошу вас, – судья вытирал капельки пота со лба голубым, в мелкий желтый орнамент, платочком, подарком Верочки – секретаря зала Суда. – Господа, сохраняйте спокойствие. Итак, что же это получается?! Ответчица хотела и испытывала страсть. А Страсть, как и другие человеческие чувства, – и он внимательно из-под очков посмотрел на Верочку, – запрещены по нашему уставу. А также ответчица распространяла вольнодумства среди коллег, – и судья сделал сильное ударение на слове коллеги, в зале Суда послышалось сдавленное хихиканье. – Поэтому назначаю в обвинение Фому Неверующего!

В зале раздался грохот.

– В чем дело? – встрепенулся судья.

– Ничего-ничего, – из-под лавочки просипел Аквиний, – все в порядке, господин Судья, судорога. – И Аквиний ущипнул за ногу Фому, который сидел на полу и ошарашено смотрел в пространство.

В зале снова слышалось едва уловимое хихиканье.

– Его помощником, – не подавая виду, говорил господин Судья Аквинский, – нашего Аквиния Монастырского, Ангела 7-й категории. Верой и Правдой, Честью и Достоинством

заслужившего свое звание среди нас с вами, – и с этими словами господин Судья широко улыбнулся. – Итак, Вероника Верина обвиняется в том, что испытывала чувства к человеку, занималась вольнодумствами и имела тайные помыслы. Создавая тем самым смуту среди других ангелов. И самое главное и значительное обвинение – побег, Вероника бежала на Землю.

Глава 6.
Приговор

– На следующем заседании господин Фома Неверующий должен предоставить следующие сведения. Во-первых: где, кто и когда повысил Веронику в ранге и должности после первого случая нарушения. То есть каким образом она попала в Администрацию «Рождение младенцев и их одухотворение»? Что имеет прямое, непосредственное отношение к делу о «Побеге Вероники» и всей предыдущей цепочке событий и нарушений, которых она сама является невероятной зачинщицей. Мне нужны точные имена, фамилии, списки и так далее. Верочка, вы записываете?

Верочка сидела, открыв рот, ей вдруг стало почему-то очень страшно.

– Во-вторых. Вести постоянное наблюдение за тем, что с ней происходит на Земле, – и судья внимательно посмотрел на Фому.

– А-а-а-а-а-ах, – снова пронеслось по всему залу Суда.

Вдруг началась неимоверная суета, и все присяжные-ангелы бросились к больших размеров Голубому Экрану. Судья заслонил собой экран и сказал:

– Вот именно поэтому, вы понимаете, господа ангелы, всю тяжесть совершенного ей преступления. Господа, попрошу всех сесть на свои места!

Все сели на свои места. Верочка записывала.

– В наш Малый Зал Суда, где сейчас и проходит слушание по делу Вероники, допускаются только обвинение, а также сестра Пелагея!

По всему залу Суда раздались разочарованные вздохи, но ничего поделать было нельзя. Таков был закон и порядок.

– В-третьих: вести наблюдение за Книгой Жизни, Вероники, разумеется, господин Фома, господин Аквиний, – ваша обязанность. Кроме того, господин Аквиний, в ваши обязанности входит следить за тем, что делает господин Фома.

Четвертое и последнее на сегодня: нужно вернуть ее с Земли в ПодНебесную. А сейчас… – и судья Аквинский сделал многозначительную паузу. Он очень любил делать такие паузы, а затем наблюдать, как реагирует зал. Зал трепетал и с ужасом внимал каждому его слову. – Выяснить! Где и когда она должна родиться. Кто ее отец и мать, родственники, – и на последнем слове господин Судья вдруг запнулся. Странная идея вдруг пришла ему в голову. – Так вот, по возвращении Вероники назад в ПодНебесную, – и многим показалось, что он как-то странно, криво улыбнулся, – приговор будет вынесен лично мной. И еще. Фома! Ты должен будешь проследить за тем, чтобы жизнь Вероники на Земле стала сущим Адом, раз Рая ей было недостаточно. Что-нибудь там с мамой, папой придумай, учини сущее беспросветное существование. И самое главное, ей должно не везти в любви! Как говорится там, у них, на Земле: «За что боролась, на то и напоролась»! Она сама к нам прибежит! Вернется как миленькая. Ангелами-хранителями назначаются Гавриил и Михаил. Мы не имеем права нарушать порядок! Родился – получи двух ангелов в плечи. Одного в правое, другого в левое. Даю двоих, зная нашу Веронику, она и там, на Земле, что-нибудь да устроит. И профессию ей там тоже придумайте! Что надо, кстати. Чтобы ни счастья, одни несчастья! Как говорится. Ах да, и все-таки, пятое! В наказание Веронике за ее непослушание и побег назначить, выписать и выдать Знак «Падшего Ангела». Под Персиковым Деревом поставить печать. Засим все, позвольте откланяться! [2]

[2] Имя Гавриил, полученное Архангелом от Бога, означает по-русски КрепостьБожия, или Сила Божия. Один из высших ангелов, в Ветхом и Новом Заветах является как носитель радостных благовестий. По Библии он считается ангелом-хранителем избранного народа. Каббалисты считают его учителем патриарха Иосифа; по учению магометан – от него Магомет полу-

– А-а-а-а-а-а-а-ах? – вопросительно пронеслось по всему залу.

– Но, господин Судья, – выступил кто-то из присутствующих, – как же она к нам прибежит, ведь суицид, вы имеете в виду его, невозможен для Наших? Жизнь в таких условиях, какие вы ставите для нее, на Земле невыносима. И как мы ее потом у Этих забирать будем?

– А с Этими! Я сам разберусь, – мягко вдруг ответил Судья. – Прочтите поправку пятую Том «Падшие Ангелы», она гласит: «…и не по своей воле». Тем более что для этого посылаются с ней на Землю Гавриил и Михаил. Все, вопросов больше нет, – ответил за присяжных господин Судья, – приступайте.

А он имел такую слабость – отвечать сам на свои же вопросы.

Верочка вышла из зала Суда вся красная. Коллеги, проходившие мимо нее, улыбались, глядя ей прямо в глаза. Но она опускала их и делала вид, что ищет одну из многочисленных папок, лежавших у нее на руках. Дождавшись, пока все исчезнут из вида, а последним из зала Суда выходил господин Судья Аквинский, она подошла к нему. Он взял Верочку за локоть и громко сказал:

– Верочка, отнесите эти папки ко мне в кабинет. А после мы передадим их господину Фоме, – Верочка засеменила своими весьма длинными и стройными ножками в сторону кабинета господина Судьи Аквинского. Последний, озираясь по сторонам, поспешил за ней.

Фома выглянул из-за угла. Кода дверь кабинета за ними закрылась, он тихонько подбежал к ней и прижался ухом вплотную. Послышался шелест бумаги, грохот, а затем наступила тишина. Фома криво усмехнулся, а затем услышал сдавленный голос господина Судьи:

– Верочка, что вы себе позволяете! Я же сказал, этого не может быть между нами!

Фома улыбался.

* * *

чил свои откровения и им же унесён на Небо. Архангел Михаил в Писании именуется «князем», «вождем воинства Господня» и изображается как главный борец против диавола и всякого беззакония среди людей. Отсюда его церковное именование «архистратиг», т. е. старший воин, вождь. **Прим. авт.**

Глава 7.
Побег, или Суета под Персиковым Деревом

Вероника медленно шла по коридору. Главное теперь получить подпись, и дело в шляпе. Постучав, но не дождавшись ответа, она открыла дверь в кабинет, на которой висела табличка «Рождение младенцев и их одухотворение». А еще на той же самой двери висел прикрепленный на две маленькие металлические кнопки блокнотный листок в полоску с подписью «Без стука не входить». Работа кипела за заваленными бумагой столами огромного ведомства: стук печатных машинок, гул ксероксов и принтеров – в общем, кабинет ничем не отличался от других таких же офисных кабинетов, скажем, больших компаний или корпораций.

– Бумаги на подпись, – и Вероника небрежно шлепнула стопку бумаг Миструше Ривицкой. Миструша должна была не глядя подписать, в чем была большая странность. И на этот раз не подвела. Когда последняя подпись была поставлена, Вероника тихо выдохнула. Прижав бумаги к груди, она вышла из кабинета, затаив дыхание.

На офисном календаре значилась дата 4 апреля 1984 г.

Суета под Персиковым Деревом уже началась.

Провожатые и стражи куда-то спешили и опаздывали, опаздывали и спешили как-то особенно в этот день.

Событие из ряда вон выходящее будоражило всеобщее воображение и было у всех на устах. Дело было неслыханным, может, конечно, что-то подобное и происходило раньше, но почему-то именно сейчас никто не мог вспомнить, с кем и когда. Для этого понадобилось бы спуститься в ведомство «Падшие ангелы» и посмотреть соответствующие бумаги. Но всем было действительно не до того.

Тем временем Сестра Пелагея стояла под Персиковым Деревом в черной, завязанной под подбородком косыночке. Так было положено в знак скорби о тех младенцах, души которых, не успев очутиться на Земле, должны были сразу же ее покинуть. Чтобы затем снова вернуться назад в ПодНебесную по тому же маршруту. Таков был порядок. Их списки лежали у лап огромного серебристо-белого кота с длинными усами.

Затем Пелагея переодевала черную косыночку на белую. Так отправляли души тех младенцев, которые должны были остаться на Земле. И тут же надо было перебегать по ту сторону Персикового Дерева, чтобы принимать души новобранцев. Так назывались все души, которые, вернувшись, пополняли дружные ряды ангелов и распределялись по ведомствам. Пелагея вместе с котом принимали души обратно строго и только по списку.

Таким образом пополнялись кадры ПодНебесной. Нельзя было что-то перепутать. Хотя я думаю, огрехи все же случались. Может, от того, что сама сестра Пелагея была уже не так молода, как раньше. Или все же от рутинности самого процесса, повторявшегося долгие столетия. И хоть серебристо-белый кот и был призван следить за порядком выполняемых сестрой Пелагеей действий, временами он делал вид, что вовсе ничего не замечает. В эти моменты он начинал сосредоточенно лизать лапу.

Тем временем душа младенца, следующая далее по списку, вот-вот должна была явиться прозрачной, еле видимой глазу материей.

Вдруг Пелагея охнула от неожиданности. Появившийся голубой комок света в одну секунду приобрел свои неясные очертания и шлепнулся ей прямо в руки. Обычно под Персиковым Деревом все происходило четко и по расписанию. И даже падение персиков являлось делом строго регламентированным. Но не в этот раз… Персик, висевший прямо над Пелагеей, почему-то упал, угодив прямо в Душу будущего младенца. Пелагея прижала ее к себе и стала пристально всматриваться в очертания того, что было у нее в руках. У ее правой руки, где обычно держат ножки новорожденного младенца, было овальное темное продолго-

ватое пятно – след от удара персика. Пелагея быстро огляделась по сторонам и встретилась взглядом с серебристо-белым котом. Он лениво посмотрел по сторонам. А затем начал лизать лапу, делая вид, что ничего более важного сейчас не происходит. Пелагея тихонько выдохнула и отдала душу провожатому в голубом капюшоне. Таков был порядок.

Сотни пар ног бежали по лестницам и коридорам ПодНебесной, но ничего остановить было уже нельзя.

Вероника видела Землю. Ей показалось, что на какое-то мгновение она как будто повисла в космическом пространстве. Сотни звезд… Это было поистине красивое зрелище. Потом яркая вспышка света. И ты летишь на высокой скорости, кажущейся немыслимой сверху, прямо в океан. Удар, шлепок – и ничего. Потом свет.

* * *

* * *

* * *

Глава 8.
Говорите! Мистер Аллоин слушает

Ему лишь важно каждое «проси».
И ты, волшебник новых судеб,
Ты знаешь все о том, что будет.
Планеты двигая с орбит,
Ты и богат, и знаменит.
И что ты просишь у живых?
Во тьме веков лишь ими сыт.
И ты, волшебник новых судеб!
Расскажешь им о том, что будет?
Планеты двигая с орбит,
Ты и богат, и знаменит.
Пообещаешь им «о важном»,
И о тебе слывет вальяжно
Густая черная молва.
Ты скажешь им, что «дважды два»,
И огоньки-глаза зажглись.
Но ты не злись, не злись, не злись,
У верующего не только словом,
Все в Этом Мире по-иному.
Скажи мне, как тебя зовут?
– Я – мистер Икс.
– Я знаю, плут.
Я бредила всегда душой.
Тебе туда, где непокой,
Где алой краской озаряя свет,
Среди пороков сорванных комет…
Бушуют души слабых судеб.
Меня с Тобой вовек не будет.

– Алло, да, я слушаю. Это мистер Аллоин. Кто? Надо же. Да? И что вам от меня нужно? Вероника? А если точнее? Вероника Верина. Сейчас посмотрю. Я перезвоню вам. Я же сказал, перезвоню. Нет ничего более срочного, чем вечность. Чао.

Некоторое время мужчина сидел задумавшись. Он смотрел прямо перед собой. Потом перевел взгляд на свои руки в черных перчатках.

– Хм, ну посмотрим, – сказал он вслух. – Вероника Верина, – серая крышка Mac Book открылась, и пальцы в черных перчатках забегали по клавиатуре. – Так. Ну, хорошо.

Он посмотрел на черный телефонный аппарат, включилась громкая связь:

– Верочка, зайдите ко мне, будьте так любезны, – и на его лице засияла мечтательная улыбка. Он откинулся на спинку кресла из темно-вишневого дерева и, закатив глаза вверх, скрестил руки на груди.

Дверь, заскрипев, приоткрылась.

– Верочка, дорогая моя, а скажите-ка вы мне. До каких пор будет раздаваться этот нежный, милый моему сердцу скрип?

Голова в белоснежных кудряшках появилась в кабинете и вся затряслась.

– Не бойтесь же, смелее, смелее! Я вас не съем, заходите-заходите! Мне помнится, вы были гораздо экспрессивнее, когда дернули из ПодНебесной прямо к нам, – и он жутко засмеялся. Верочка робко втиснулась в дверь. А затем взяла себя в руки и, гордо взмахнув кудряшками, процокала к столу на тоненьких бежевых каблучках.

– И да, Верочка, сменили бы вы эти туфли! Леди, работающей в моем ведомстве, – и он улыбнулся, – полагается носить темную обувь на высокой шпильке.

Верочка оступилась, взвизгнула и чуть не упала прямиком на стол к мистеру Аллоину. Так как вместо ее голубых лодочек на ногах оказались шикарные темно-бордовые туфли. Каблук был гораздо выше, чем тот, к которому Верочка привыкла. А вместо голубого офисного костюма на ее теле оказалось черное шелковое платье с тонким кружевом в области декольте, скорее напоминавшее весьма откровенную ночную сорочку.

– Можете прогуляться к зеркалу, дорогуша, – махнул рукой куда-то в сторону наш загадочный мистер Аллоин. Верочка стояла не шелохнувшись, губы почему-то сильно стянуло, а волосы шевелились где-то в районе талии. Ей страшно было обернуться и посмотреть, что они там забыли. Когда она все же осмелилась посмотреть в ту сторону, куда махнул рукой мистер Аллоин, она изумилась еще больше и ахнула. Вместо ее кудряшек, начиная от макушки, по плечам и до самой талии спадали густые, упругие каштановые пряди. Кончики пальцев дотронулись до матовой темно-бордовой помады. Густые черные ресницы, миндалевидные голубые глаза обрамляли длинные, хорошо растушеванные стрелки.

Мистер Аллоин довольно покачивался в кресле и улыбался:

– Верочка, теперь вы настоящая красавица. Как-нибудь приглашу вас поужинать, – и он снова махнул рукой. – А теперь к делу.

Вера, потому что Верочкой ее теперь назвать было уже нельзя, густо покраснела, а затем опустила глаза на свои руки. Она снова вздрогнула. Маникюр был ошеломительный: темно-бордовые ногти блестели в полумраке как адское пламя.

Мистер Аллоин делал вид, что ничего не замечает. Он едва улыбался, одними только уголками губ.

– Вероника Верина, – прогремел его голос, и в кабинете вдруг стало темно и очень жарко.

И только белая грудь Веры волнительно поднималась из-под тонкого черного кружева, источая свет, который сильно притягивал внимание мистера Аллоина.

Мистер Аллоин щелкнул пальцами, и в кабинете снова появился уютный, приглушенный, красноватый полумрак.

– И прекратите кокетничать со мной, Вера! А иначе сейчас переодену, – и он смерил Верочку таким взглядом, что у нее по спине пробежали очень странные волнующие мурашки. О которых она читала только в книжках, а еще подсматривала в кино. Так что, каким образом они появляются на теле, она теоретически знала.

– Рассказывайте, Вера, – сказал Аллоин. Его голос звучал и действовал на Верочку завораживающе. Путал мысли, как тонкое черное кружево ее нового платья. – Все, что вы знаете, – он закурил сигару и откинулся на спинку кресла. – О Веронике Вериной.

Глава 9.
Кто снова меняет планы в ПодНебесной?

ПодНебесная 2012 год

Фома сидел в зале перед Голубым Экраном и перелистывал бумаги. Толстые тома были разбросаны по всему столу. Почти все из них были открыты. Вот том рождения, этот – детства, этот – период взросления. Фома никак не мог взять в толк, почему этой девушке, у которой жизнь, казалось бы, забирала все, так нестерпимо хотелось жить?

– Вечное одиночество, – бормотал он себе под нос, анализируя свою работу, проделанную за долгие годы. – Любимые исчезают из жизни так же быстро, как меняются дни в году. Призвания нет, работы нет. Все не ладится.

Фома откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В памяти пронеслись страшные воспоминания. Он открыл глаза и внимательно посмотрел на два сросшихся пальца правой руки.

– Вера. У нее есть Вера… вера в то, что все наладится и все изменится к лучшему.

Вера – вера. И что такое Вера? – Фома снова закрыл глаза, мучительные и постыдные воспоминания снова и снова нагоняли его. – Так. Она летит в Нью-Йорк. Ураган – и точка. Конец истории. Вероника возвращается. И все. Все наконец-то от меня отстанут. А там суд, и пусть сами разбираются как хотят. А еще лучше, пусть отправят ее к Этим. Нечего тут, смуту наводить. Ишь ты ее, ВероНика Верина. Имечко еще себе выбрала. Победа Веры. На листке, прикрепленном к первому тому на первой странице, был написан план побега из ПодНебесной. Там значились дата рождения ВероНики, ее имя, имена и фамилии родителей. Вера, кому она нужна? Когда Вера ушла, любовь не пришла…

Фома стал судорожно записывать что-то в Том, который значился последним.

– Переводи на нее бумагу еще, чернила. Так, все перенести в «Книгу Жизни Вероники Вериной», – бубнил он себе под нос.

Когда дело было сделано, он закрыл все тома. Сложил аккуратной, ровной стопкой по порядку, начиная с первого. Перекрестился и вышел из зала Суда, закрыв за собой дверь на ключ. Его он повесил на шею и отправился к себе в кабинет. Из-за угла за ним наблюдали двое. Когда фигура Фомы исчезла из вида, они подошли к той же самой двери, открыли ее и вошли внутрь, плотно прикрыв за собой.

– Что ты предлагаешь? – шепотом спросила Пелагея.

– Я предлагаю изменить ход событий. Она летит в Нью-Йорк ближе к концу октября. Мы знаем, что этот перелет должен стать для нее последним из-за урагана, который накроет побережье. Вот видишь, она стоит на крыше здания, оно рушится, – и Аквиний показал на Голубой Экран. Обернувшись, он не увидел Пелагеи рядом. – Все вокруг в воде, – продолжал он, глядя на Экран.

Повернувшись в другую сторону, он увидел Пелагею рядом с дверью. Она высунула голову наружу.

– И это снова будет лишь временная мера, – сказала Пелагея и вернулась обратно к Экрану. – А что потом? Потом Фома, как всегда, посмотрит в наш «сценарий», подкинет своих мыслишек. И все! – унывала она.

– Она тут как тут. Да. Я, если честно, устал от этого замкнутого круга. Вот эта вечная беготня по коридорам, подмена сценариев! И ты же не думаешь, что в конце концов нас не раскроют? Фома вскоре догадается, Аквинский что-то заподозрит? Верочка нас обнаружит. Или кто-то еще. Кстати, а где Верочка, я ее давно не видел, – и Аквиний уставился на Голубой Экран с застывшей картинкой. – Фома четко выполняет указания. И если мы не напишем очередной сценарий – все, финишная прямая, этот кадр будет последним, – он постучал карандашом по Экрану. – Черт возьми! – выругался он.

Красная лампочка над дверью загорелась, и в дверях появились два санитара.

– Ну вот, – сказала Пелагея.

– Так, господа, – сказал один из них. – Что у вас тут происходит? Предписания не выполняем! Кто из вас нарушитель?

– Я, – сразу сказал Аквиний.

Санитары переглянулись между собой. Второй неловко топтался на месте.

– Но, господин Аквиний, мне, конечно, неудобно… – видно было, что он тоже не особо хотел выписывать бумагу о нарушении.

– Я разберусь, – многозначительно посмотрев в глаза санитару, ответил он. – Пишите.

Санитар вздохнул, положил на стол папочку с бланками и стал выписывать штраф.

– Господин Аквиний, вы ж все сами знаете, – причитал он. – Таков порядок. А против порядка никак нельзя. Ругаться такими словами! Это же не по уставу.

– Не переживайте, я все улажу! – твердо сказал Аквиний.

Пелагея удивленно смотрела на всех троих.

Санитары, вручив бумажку, вздохнули и удалились.

– Ш-ш-ш-ш! – прошипела Пелагея, – совсем сбрендил.

– Ты права, Пелагея, ты права, – притворно простонал он, выражая тем самым стыд.

– Не валяй дурака, Аквиний! – и Пелагея треснула его по затылку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.